

Александр Базель
Костюм

Александр Базель

Костюм

«Издательские решения»

Базель А.

Костюм / А. Базель — «Издательские решения»,

Обложку приукрасил он, Квадратов черных марафон, Слов «или» вычеркнуть
нельзя, По ним идет царей стезя. Александр Базель

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Костюм

Александр Базель

© Александр Базель, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Как говорится: встречают по одежке, а провожают по уму. К сожалению, в России и провожают по одежке, наличие ума не проверяется. Но, как бы ни прятался человек за костюм, есть или нет ума, одежда его не прибавит.

Однако сам костюм может многое сделать для его обладателя. В России костюм становится штатским мундиром, как символ власти. Строгие линии, количество карманов имеет свою важную роль и соответствующее предназначение. Самое главное – от кого костюм, а не на ком. Костюм – это оболочка, скрывающая недостатки. Ты можешь быть кем угодно и жить, не надевая костюм всю жизнь, но все равно тебе от него не уйти с этой грешной земли.

Твой последний путь по Земле будет в костюме, но карманы его будут пусты. Ты так до конца и не узнаешь, для чего их столько, там, куда тебя будут опускать, ничего не надо, там есть все.

Потомки скажут: «Смотрите, сколько карманов на его костюме. Сколько же надо было в то время человеку носить с собой, чтобы жить, или, что же такое они носили, что так необходимо для жизни. Судя по костюму, он был депутатом или олигархом, а может он – агент национальной безопасности».

Пролог

Зима 20... года выдалась немного теплее предыдущей, но значения своего от этого она отнюдь не потеряла. Все так же дул ледяной ветер, с неба падал снег, а дворники, делая хмурые лица, грозили кому-то в темную пустоту вселенной.

Пустые улицы Москвы в начале года – явление не вполне обычное. Где-где, а в столице люди присутствуют на улице почти круглосуточно, но сейчас все по-другому. Россия готовится к выборам в Государственную Думу. В разные города России поехали агитаторы, депутаты, помощники, секретари. Столица опустела и выглядит словно город, оставленный на растерзание врагу. Последние дни, когда разрешено проводить агитацию. Враг, который скоро зайдет в Москву – это те же депутаты, возвращающиеся, уверенные в своей победе, заручившиеся поддержкой градоначальников провинциальных городов.

Все понимали и понимают, что война за места в Госдуме будет серьезная, грядет смена президента в 20... году. Можно представить себе, какие обещания дают депутаты и их агитаторы, и чем пьянее они, тем баснословнее обещания, злые, и от этого кажущиеся правдивыми.

Весь прошлый год партия ДОН (Доброе Отношение Нации) чистила в стране инакомыслие, применяя любые методы. Казалось бы, все складывается хорошо для ДОНа, но от этого все руководителям партии становилось как-то не по себе, и они с еще большим ожесточением развязывали языки градоначальников пьянкой в своих агитационных методах, выведывая настроение всех ветвей власти в провинции. Обещали все, чего пожелаешь, все, что угодно, только бы они не подвели.

Партия ДОН понимала, что до Бога им осталось совсем чуть-чуть, всего один шаг. Выполнить любые обещания для них не составляло труда в случае победы, а нет, так и отказать не проблема, они – власть и сила, а силу можно только просить.

Их боялись, боялись все, и та маленькая надежда – остаться свободным человеком – стояла в зале выборов в маленькой урне. Любой человек может положить туда свой выбор. Только страх, что он один проголосует за демократию, а все остальные за ДОН, пугает и сковывает не только мысли, но и будущее движение собственного тела. Никто не хочет бросить маленький листочек в урну, а потом в такую же урну лечь пеплом.

Судя по методам правления прошлых лет, ДОН хуже Коза-Ностры. К сожалению, даже современная цивилизация бессильна перед мафией.

Сложности! Русским подсовывают постоянно сложное. Политика, политика, какая интересная тема. В эту тему втянута вся страна, и все страна втянута со словами «вливайся, если ты еще не с нами, то мы идем к вам». Когда под окнами промчалась машина с мигалками и сиреной, а сзади телевизор кричит «вливайся, а то придем к вам», а как они приходят ты уже насмотрелся, как можно после такой артподготовки не влиться и не побежать на пункт с урной, не отдать свой голос, дабы сохранить свое тело.

Пока делят власть и недра страны, народу промывают мозги, не считаясь со здоровьем и состоянием. Снова, как в былые старые времена, местом для промывания мозгов стала добрая старая – новая кухня. Помните старую, обитую дранкой кухню? Теперь новая итало-польско-русская. Можно представить себе, как там сейчас хорошо. На некоторых можно увидеть стриптиз-шоу кухонного масштаба, благо хромированный столбик почти везде присутствует.

Часть первая

Глава первая

Двухкомнатную квартиру почти современной планировки Виктор купил год назад, и еще не совсем расплатился с вверенными ему для этого кредитами.

Горячий кофе обжигал губы, Виктор спешил разбудить свои мозги, пытаясь одновременно читать газету и состыковывать всех участников своих денежных проблем. Дела с металлоломом идут плохо, металла практически не осталось в городе, все расплавили, перепродажа остановилась и кладовка забита разной дрянью, в долг никто не дает, какие бы выгоды он ни сулил, а эта пассия, принимающая сейчас душ, постоянно из него тянет и слышать не хочет, что долги банку скоро оставят его без жилья. Конечно, она найдет себе другого, такие постельные хулиганки всегда востребованы. А он, он пойдет по миру с котомкой или в переход с протянутой рукой.

– Может, ты бросишь свою газету, к нам сегодня придут гости.

Он еще не отошел от вчерашних, покинувших их в пятом часу утра и опять гости. Нет, она точно решает проблемы банка, а не его.

– Послушай, что умные люди пишут, это и тебя касается. «Пир во время чумы» – нищая Россия вторая по числу миллиардеров в мире. По данным журнала «Форбс» список долларовых миллиардеров в России за последний год пополнился на 6 человек.

– Ты что, нашел свою фамилию, – ее смех его раздражал, – тебя там нет, и вряд ли будет, ты – неудачник и почти ничего не можешь.

– Ты можешь помолчать? По уровню жизни по данным ООН Россия находится на 60 месте и на 112 по продолжительности жизни мужского населения. Безусловно, аппетит новой русской буржуазии и новой русской бюрократии не знает границ. Точно подмечено. Население сокращается на один миллион граждан ежегодно. Уровень жизни хуже, чем в советские времена, а три десятка человек удваивают за год свои капиталы, которые превышают стабфонд в четыре раза. Эти нувориши смогли за год сколотить столько, сколько вся страна не смогла собрать в этом стабфонде за годы его существования.

– Вот молодцы, вот где женщина почувствует себя женщиной. Ты так не сможешь, а они могут, – она мечтательно подняла глаза в потолок.

– Слушай дальше, ты же то же живешь в этой стране, и тебе должно быть не безразлично происходящее.

– Да, я живу в этом дерьме. Ты меня в другую страну не вывез, у тебя на это не хватает мозгов, иди лучше в магазин.

– Какая же ты неугомонная, дослушай статью. Из 20 миллионов трудоспособных мужчин 1 миллион сидит в тюрьме, 5 миллионов – безработные, 4 миллиона – алкоголики, 2 – наркоманы. В Европе разрыв между доходами богатых и бедных не превышает 7 раз, а в России 20 раз, и находится за критической отметкой. Но долго так продолжаться не может. Заложённая под Россию социальная бомба рано или поздно взорвется.

– Тебе-то что? – Ты мелкий воришка, аферист, авантюрист, одним словом неудачник, всего боишься, как я еще живу с тобой.

– Скорее, как я с тобой живу, – бормотал про себя Виктор, – не могу скопить хоть немного денег. Что ни день, то дискотека на кухне, и это длится уже год. Надо выгнать ее или поговорить серьезно, так продолжаться больше не может. Спорить с ней сейчас не было смысла. Он сам во всем виноват. Надо было быть как минимум сумасшедшим, чтобы пускать к себе в постель

подобную мегеру. Все, сегодня он наберется для храбрости и все ей скажет. Пусть ее друзья забирают ее с собой, он больше так не может, ему хотелось семью, а не дискотеку.

– Все мужья как мужья, возят своих жен на Канары, Бали, а ты даже праздника для души сделать не можешь, все боишься за свою кухню польскую.

– Это итало-польско-русская кухня, и она мне обошлась в 15 тысяч долларов, а твои друзья все норовят поплясать на барной стойке. К тому же ты мне не жена.

– Я гублю свою молодость на этой польской кухне, а он мне высказывает про моих друзей. Твои-то друзья где?

Виктор хлопнул дверью набирая по сотовому номер своего компаньона и друга Саши.

– Привет, старик, ну, что там у нас?

Что там у них могло быть? Металла нет, товар на полках и складах, а кредиторы у дверей офиса. Все, как и раньше, ничего не меняется последние почти восемь лет.

Виктор поймал такси и поехал в офис. Однако его появление в офисе, беседа с компаньоном, какие-то дела – ничего не восстанавливало душевного равновесия. Он искал нужные слова на сегодняшний вечер, он хотел покончить сегодня хотя бы с одной проблемой.

– Сашь, ты сможешь мне сегодня? Я хочу разобраться с ней, с ее друзьями. Да и вообще, пора что-то менять в жизни.

– Что-то случилось, и Бог обратил на тебя внимание?

– Я не знаю, но так не должно больше продолжаться, а то я пойду и кого-нибудь побью.

– А ведь я тебе говорил...

– Стоп, ты сможешь или нет?

– Когда?

– Поехали, последний раз куплю им водки, сам напьюсь и все скажу.

Когда Виктор и Саша заходили в квартиру, гости уже бегали там, в поисках спиртного и съестного.

– Господи, – изрек Виктор, стоя в коридоре, – как мне все это осточертело: гости, пьянки, дискотеки, люди, которых я даже не всех знаю.

– Пойдем, старина, на кухню и сразу напьемся, ты же этого хотел.

Виктор и Саша достали из пакетов две бутылки водки, сели в самом углу, нарезали себе колбасы и приступили к выполнению задания. Они пили и закусывали колбасой, наблюдая как остальные разрывали оставшееся содержимое пакета. Гости делили водку чуть ли не по каплям. Когда закончились две бутылки, Саша достал из внутреннего кармана третью.

– Я знал, что будет мало, но не идти же за ней, а теперь точно хватит.

– Ты очень предусмотрительный, друг – одним словом. Что они там делают?

– Пьют, старик, видно сами сбегали и деньги нашли.

– А она их всегда поила. Это Садом и Гоморра, Саша, ты понял. Я им сейчас выдам, ты наливай пока.

Музыка разрывалась, дым застилал глаза, шум, крики, визг – все смешалось в сплошном реве прорвавшейся плотины. Саша и Виктор не увидели, когда пассия Виктора взобралась на барную стойку и начала танцевать стриптиз, но то, что это вертится она, держась за хромированный столбик, сомнений у них не было.

– Ты с ума сошла, слезь немедленно, – закричал Виктор, но на него зашипели с разных сторон, стараясь вытолкнуть с его же кухни.

– Пойдем, Виктор, не трогай их, они все пьяные и мы тоже. Мы уже малость больше их поглотили, не ровен час – побьют.

– Это моя кухня и моя квартира, – рвался обратно Виктор, но увлекаемый Сашей отступил.

Он не был буйным, а когда выпивал, любил отдыхать.

– Все, раз так, пойдем отсюда, только я сейчас переоденусь, ты мне помоги. Я надену костюм, она тогда, год назад, на него клюнула, думала, что я – миллионер, вот бабы – дуры. Сейчас переоденусь и найду себе новую стерву, которая выгонит эту стерву.

Виктор пьяно улыбался своей не очень веселой шутке, но все же переодевался, с трудом попадая в штанины и рукава. Галстук они завязывали минут 20, если не все полчаса.

– Одевайся теплее, на улице зима, а лучше ложись спать.

– Нет, я провожу тебя, а потом себя.

Ночной мороз подействовал почти моментально. Саша и Виктор медленно приходили в себя. На улице было лучше, чем в квартире. С большим трудом им удалось поймать такси и уговорить таксиста отвезти пьяных на другой конец города. Водитель, хоть и выехал на ночной промысел, но возить пьяных ему не хотелось. Вполне опрятный внешний вид и деньги, предлагаемые за поездку, подействовали на таксиста, и он согласился отвезти Сашу и вернуть назад Виктора.

Теплый салон автомобиля и убаюкивающая езда по ночному городу быстро сморила Виктора, он уснул.

На обратном пути от резкого толчка (колесо машины попало в яму) Виктор проснулся. Он не знал, сколько проспал, но чувство похмелья мешало даже дышать. Где же он так набрался, вспоминал Виктор. Куда он едет? Надо срочно восстановить память, нужно спиртное, хоть глоток, но он просто необходим. Виктор попросил водителя остановиться где-нибудь у работающего заведения. Ему срочно нужен допинг, или его голова расколется пополам. Водитель оказался человеком, сочувствующим в этом вопросе, и подрулил к еще работающему ресторану, к которому подъезжали машины, привозя кого-то и забирая вышедших.

– Я сейчас вернусь, подождите, пожалуйста, я заплачу.

– Можно и подождать. Они ему уже хорошо заплатили, а если и еще заплатят... Иди, похмельяйся, кабак как раз по тебе, в других заведениях такому франту нет места, – разговаривал сам с собой таксист, устраиваясь поудобнее и закрывая на защелки двери, с расчетом, что можно немного вздремнуть. Знает он, что за похмелье в ресторане, только начни и пока не выгонят. Но он обещал, и потому полчаса будет стоять на месте. Однако не успел водитель устроиться и разложить сиденье, как вернулся его пассажир.

– Шеф, тут такое дело, амбалы на входе не пускают.

– Садись, поехали в другое место, правда не знаю, работает ли что-то в это время.

– Нет, я дубленку сниму и у тебя оставлю, вроде вышел на минуту, не могу больше терпеть головную боль.

Подняв защелку, водитель открыл Виктору заднюю дверь. Сняв дубленку и бросив ее на заднее сиденье, Виктор обошел машину, стараясь разглядеть и запомнить номер, не хватало еще за дубленкой бегать. После комбинации с раздеванием, Виктор прошел охранников беспрепятственно, они даже головы не повернули в его сторону. Он зашел в фойе ресторана. Кого тут только не было! А его с первого раза не пускали, он даже деньги предлагал.

В фойе были девицы от карликового роста до баскетбольного, культуристы с трехметровыми плечами, педики с приподнятыми ручками с маникюром, простые полицейские в форме и бравые ребята из ФСБ. В голове у Виктора была только одна единственная мысль – в бар, в бар, в бар. Стойку бара он отыскал без особого труда, развернувшись от ресторанного зала в обратном направлении, и буквально впечатался в столешницу, прильнув к вращающемуся стулу.

– Наливай и побыстрее, а то умру – голова чугунная.

– Все вижу, одну минуточку, – бармен быстро налил водки.

Виктор быстро выпил содержимое стопки. По телу пробежала горячая дрожь, в голову ударила обжигающая жара, суставы заныли от предвкушения притока новой горячей крови.

– Повтори еще... и еще...

– Здрасьте, – откуда-то возникло миловидное личико девушки.

Ничего себе, красота какая! А какая скромная, сама здороваается, а глаза прячет. Вот она мне и нужна. Как-то надо сказать ей, что именно ее я и искал всю жизнь. Подожди, не уходи, я сейчас восстановлюсь, и тогда я тебе объясню, что надо делать и как выгнать ту шлюху из моего дома.

– Наливай, что застыл, – неужели я не сказал ему, жизнь становится прекрасной, а все равно надо повторять. Смотри ты, стоит, не уходит, может я сказал ей стоять или она умная и мои мысли читает? Точно, читает, говорит так обломно, вот мне повезло.

– А вы – депутат или помощник депутата?

– Депутат ли я? Ну, конечно, я депутат, никакой я не помощник, – вот дурочка, думает, что я депутат, ну и пусть себе думает, для нее я готов быть кем угодно. – Ты, что, сомневалась?

– Нет, нет, я им тоже сказала, что вы на улицу выходили и значок потеряли, а костюм у вас такой же, как у всех депутатов.

– Значок! – Виктор посмотрел на то место, где он должен был быть. – Какой значок, милая, мы же не советские депутаты.

– Да, но вот у них у всех есть, – и она показала на зал, где танцевала и куражилась целая толпа людей со значками на пиджаках.

– Меня, милая, и без значка не спутают, ты же узнала. Давай без шума. Я – депутат и дипломат, или без значка я тебе не нравлюсь?

– А вы покажите удостоверение. Я буду вас по имени-отчеству называть.

Виктор полез в карман и тут же остановился.

– Ты что, издеваешься, – сделал он серьезное лицо, – зови меня просто Виктор и давай без опознавательных знаков, я не на собрании, я отдыхаю. Ты что из ФСБ или ЦРУ?

Его собеседница прыснула в кулачок, пряча глаза за длинными ресницами.

– Ну, вот и хорошо. А то, все зачем да почему. Мне, знаешь ли, нельзя афишировать свое имя, я – женат. Вот выгонишь мою жену из постели моей, тогда мой кошелек – твой.

Бармен, скучавший все это время, как только услышал слова «депутат», оживился. Их ресторан был на сегодня заказан для депутатов из столицы, и он боялся, что к нему вряд ли кто подойдет, на столах у них было все. Но видит Бог, вот этому или маловато, или он ищет себе девицу. А эта Ирка, она уже тут как тут, очень шустрая, даром, что из деревни.

Бармен не видел всех вошедших и не мог знать, что перед ним вовсе не депутат, а потому он рьяно принялся готовить фирменный коктейль от заведения в надежде понравиться лже-депутату.

– А вот наш фирменный коктейль для вас и вашей дамы за счет заведения.

Виктор выпил коктейль. Выкинув соломинку, и сделал блаженное лицо, показывая бармену, что тот ему очень угодил. Дальше он слушал, какой это хороший бармен, и что в столице он бы выложился, что бы угодить хорошим людям.

Ирка немного подождала, пока бармен успеет все сказать, перехватила конвертик, который совал бармен через стойку Виктору, и, показывая, что кладет его в карман костюма депутата, повела того под ручку к основной компании. Они сели с краю, и Виктор решил немного поесть. Он почувствовал, что проголодался. Про себя Виктор отметил, что раз его принимают за депутата, то он обязательно наестся и напьется бесплатно.

Все закрутилось так быстро, что он не успевал даже возражать. Сначала Ирка потащила его танцевать, потом снова за стол, где он шутил, рассказывая небылицы про отцов города. Он показывал такую осведомленность в жизни градоначальников, что те сильно струхнули, предлагая ему то выпить, то закусить, а то и поцеловать. Ирка попала в эпицентр событий, такого она не ожидала. Ее депутат был нарасхват. Она даже своровала у заснувшего в салате

очкарика депутатский значок и незаметно прицепила его к пиджаку Виктора, чем окончательно завершила его облик как властимущего.

Публика агитаторов тоже была достаточно разноликой, из разных отделов, но из одной партии ДОН. Практически они не были знакомы, знакомясь в пути или здесь в ресторане. Виктор же на вопрос – в каком отделе он трудится, сделал серьезное лицо и ответил:

– Отдел земли и ее недр.

Нашелся один человек из этого же отдела. Он сделал удивленное лицо, дескать, и он из этого отдела, а Виктора не знает. Но Виктор не растерялся и спросил, а кто его контролирует и проверяет. Знает ли он созданную группу контроля над их отделом? Этого хватило, что бы оппонент стал покладистым. Великодушие Виктора, похлопавшего побледневшего депутата по плечу, было встречено бурными аплодисментами. Поток конвертов переключался из карманов этого узколобого к Виктору. О чем только не просили Виктора, даже о земле на кладбище. Виктор обещал, жал руки, целовался, его несли, он торжествовал и не запомнил, когда провалился в сон с цветной речкой и ослепительно желтыми берегами.

Шланг с водой, он обливается, пьет, вода, жизнь, спасение... Кто-то толкает его, пропадает шланг, остается только горящая жаром гортань и давящие на голову голоса. Открывать глаза не хочется, его вчерашнее поведение, где он сейчас и кто его будит – вопрос. Спрятаться, свернуться калачиком и так лежать в тишине, пока все бури людских страстей не улягутся вокруг него. Пока он не придет в себя и ему снова не захочется жить. Алкоголь убивает в нем все самое хорошее, жизнь тогда хороша, когда он трезвый. Однако, как болит голова. Ну, когда же в самом деле будут чудодейственные таблетки, снимающие похмельный синдром? Где эти ученые, наверное, никто из них не пьет такими дозами, а пили бы – давно бы изобрели.

– Просыпайтесь, господа, уже подъезжаем к городу. Приводите себя в порядок, мы сразу едем в администрацию, читаем тексты, которые я вам сейчас раздам, потом фуршет, а вечером опять ресторан. У вас будет время поспать в гостинице.

Голос распорядителя резал барабанные перепонки, проникая в сознание не совсем сознающих себя людей.

Больше всех удивился Виктор, и своей невезучей особенностью всегда попадать в разные переделки, и тому, что он еще не разоблачен. Как хотелось бы ему оказаться сейчас вон там, на обочине, пусть без денег, без всего, лишь бы не лжедепутатом. Он не хотел ехать в этом автобусе, везущем его на Голгофу. Стараясь воссоздать в памяти вчерашние последние минуты перед потерей человеческого облика, Виктор хотел вспомнить, была ли у него попытка исчезнуть с этого лучезарного небосвода, или он сам лез в петлю.

– Я понимаю, – бубнил распорядитель, – что вам тяжело выдержать такую гонку и такое количество алкоголя, но для вашей группы это – последний город. Так что, крепитесь и читайте текст.

«Легко сказать, крепитесь. Не могу понять, откуда у меня столько всего в карманах, буквально все карманы забиты, а вдруг это деньги», – плохо соображал Виктор. Точно, деньги. Он даже через конверт мог прощупать эти американские деньги, сколько раз он сам давал подобные конверты. Краем глаза Виктор заметил, что все так же набиты под завязку, но никто не достает, а все усердно читают текст. Значит, все друг от друга стараются скрыть наличие взятки. Будет смешно, выйти и вот так читать текст, хотя в руках у каждого кейс.

Вчера он снял свою дубленку у водителя такси, а сейчас она лежит рядом. Момент получения гардероба был им явно упущен, но ничего, слава Богу, не пропало.

«Надену дубленку и тогда переложу содержимое карманов в нее и надо уносить ноги прямо у здания администрации, поймаю такси и на вокзал, чем быстрее, тем лучше. Таких игр они мне не простят, посадят, как мошенника».

А за окном автобуса мела декабрьская метель, и не особенно хотелось покидать это теплое место, где он выпил уже две бутылки минеральной воды, где ему никто не мешал, занимаясь только лично собой. Ему стало даже немного смешно. Он пытался про себя шутить, вспоминая гоголевского «Резизора».

Собственно, а что он сделал? И пусть от него пахнет провинциалом, он просто прочитает текст пропаганды партии ДОН без эмоций и ударений и после вечернего ресторана, где он еще немного поимпровизирует, поедет домой, зато заработает неплохую сумму и рассчитается с банком.

«Так можно и в тюрьму угодить», – билось в другой половине его сознания.

Да нет, спустят все на тормозах, зачем им шум во время агитации. Да и пьяным можно прикинуться. Надо только не пить много, а то оберут. Вон как смотрят некоторые. Как он вчера кричал, что не продажный депутат, а что из этого получилось, стали только конверты потолще совать. Ладно, надо доехать до города, а там будет видно.

Читая текст, Виктор ухмылялся, какие дикие обещания дает ДОН на пятнадцатом году правления. Проехали бы они по этой дороге, расположенной рядом с Москвой. Смотреть без слез нельзя на проезжаемые деревни. Дома – развалюхи, дороги – ухабы и ямы, столбов с проводами нет, а сам город выглядит так, как будто его бомбили мелкими бомбами: все дома испещрены вмятинами отваливающейся штукатурки. А рекламные плакаты шлепают на ветру, словно пиратские флаги из разных стран и разных капитанов. Редкие прохожие, еле горящий свет в окнах. Окна в наших квартирах такие маленькие, что свет горит и днем, словно в пещере живем.

За наблюдением Виктор не заметил, как автобус подъехал к центру города к зданию администрации. Их встречала толпа сторонников и оппозиция. Старший агитатор – распорядитель командовал так, словно они не депутаты, а отряд ОМОНа.

– Всем на выход, к входу, бегом, внутри здания сразу направо и по коридору прямо до самой сцены, готовы, вперед! – и дверь автобуса открылась

Виктор бежал за очкариком, которому распорядитель выдал новый значок в замен утерянного. Они все бежали сквозь толпу «фанатов» по созданному полицией коридору. Были слышны откровенные проклятия в адрес ДОН, просто улюлюканье, свист, а кто-то надрывал связки, славя президента и партию.

Подгоняемые друг другом они забежали внутрь здания и, как и было сказано, повернули направо. Впереди был довольно темный коридор, где, как увидел Виктор, депутаты и занялись опустошением своих карманов и заполнением кейсов. Виктору пришлось из карманов закидывать все себе за пазуху, создавая видимость живота. Пока шли по темному участку коридора, все всё успели сделать. Виктор подумал, что такое темное место было создано кем-то совсем неслучайно. Все заранее продуманно до самых последних мелочей.

Наконец-то они дошли до сцены. Оставалось причесаться, отряхнуться, взять текст и выйти для выступления. Внешне Виктор был готов, а вот внутренне его терзали сомнения.

– Где ваш главный со списком выступающих? – спросила молодая девушка у стоящего ближе всех к сцене Виктора.

Тот пожал плечами.

– Хорошо, давайте ваше удостоверение, и приготовьтесь все остальные, я вас запишу для объявления, – милостивая молодая повернулась к Виктору.

Машинально дернувшись рукой во внутренний карман, Виктор произнес:

– Петров Виктор Семенович, партия ДОН.

– Это легко, – она улыбнулась, – знаете, как я устала Кеклер-Меклер.

Виктор с облегчением вздохнул и опустил руку, так и не достав несуществующий документ. Молодая и красивая упорхнула к рядом стоящему очкарику.

Читая выданный текст, он услышал ворчание девушки и извинения очкарика за неудобочитаемую фамилию – Генрих Эдуардович Крэмс, нет, не Кремес и не Кремс, а Крэмс. Виктор ухмыльнулся, глядя на очкарика. Как они затесываются в Россию, да к тому же Единую. Пока миловидная порхала от одного к другому, Виктора трясло от мысли, что сейчас пойдет врать людям, что у нас в стране все хорошо.

Нет, не у нас, а у них, у нас плохо. А вот, у стоящих рядом с ним все хорошо: карманы набиты, кейсы не закрываются, и еще много чего они смогут поиметь, или уже поимели. А вот у нас с вами положение катастрофическое, если не сказать, что наступил Апокалипсис.

– Петров Виктор Семенович, – услышал он свое имя и его даже подтолкнули на сцену.

Ого, да здесь и телевидение, и вспышки, и полный зал людей. Скорее всего полиция в штатском, уж больно все одинаково стрижены. Ну, ладно, полицию не грех обмануть. Выпив два стакана воды, Виктор прочитал текст с небольшой импровизацией и получил за это бурные аплодисменты и букет цветов.

«Звезда, ни дать, ни взять», – смеялся он своей шутке в стиле президента: «мочить в сортира», «жевать сопли», «разгоним хлюпиков – демократов».

Покинув сцену, Виктор попал в небольшое скопление народа, который поздравлял его с такой пламенной речью. Виктор в душе ликовал, ему удалось, по его мнению, хорошо разогреть массы. Он подумал, что может, если захочет.

Восхищаясь собой, как оратором, он почувствовал, как зашевелились его карманы. Виктор четко ощутил прикосновение к причинному месту и отшатнулся в сторону. Депутаты, довольные его замешательством, улыбались. Они были отомщены за его высокомерие. Нашелся и сочувствующий, решивший все-таки объяснить Виктору, что ему лучше держаться поближе в другим агитаторам. Каждый из них способен сказать что-то не то массе. Но этого делать не рекомендуется. Шутить можно только самым-самым, на всех шуток не хватит. Ему объяснили, что если он не хочет объясняться за изнасилование девиц с телевидения, то от них и секретарей местных царьков лучше держаться подальше, а то и волос с его лобка и сперма и пуговица от штанов, все будет в полиции, и тогда ему придется улаживать свои проблемы, а это столько хлопот, что и врагу не пожелаешь. Виктор поблагодарил за науку, сославшись на редкость таких командировок, что он расслабился, сказываются рестораны и фуршеты. Тут с ним согласились все. Трудно было выстоять алкогольную атаку.

Однако, те, кто ездил в подобные командировки не первый раз слагали сказки и рассказывали легенды. В подобной командировке можно заработать целое состояние, найти жену, машину, квартиру и тестя-банкира. Слушая подобные вымыслы, все крепились и оглядывались в поисках того, что должно было быть по их разумению.

Кто бы мог подумать, что депутатом быть так хорошо, даже самым последним в списках партии.

После окончания выступлений, всех повели в столовую, где было выпито некоторое количество шампанского за будущую победу на выборах, и депутатов отвели в гостиницу. Они должны были немного отдохнуть перед походом в один из известных ресторанов города.

Виктор закрылся у себя в номере, растянувшись на кровати во весь рост. Он лежал и не хотел ни о чем думать. Немного полежав, Виктор решил проверить содержимое его пазухи и карманов. Он стал считать деньги, складывая их в отдельные кучки: рубли к рублям, доллары к долларам, евро к евро. Стопки росли прямо на глазах. В конвертах он находил записки и даже фотографии. Все было пронумеровано и предельно понятно.

«Прошу помочь в приобретении земли под кладбище. Горячев Иван Давыдович. 300 тысяч долларов», и так далее и тому подобное. У Виктора заболела голова. В дверь постучали, и портъе сообщил, что может помочь в любом вопросе от иголки до деталей самолета. Виктор попросил рубашку, кейс, телефон со всем встроенным и галстук. Так сказать, небольшой джентельменски набор, что было доставлено ему через 20 минут.

Все это хорошо, но надо быть начеку, а то напорешься на крючок какой-нибудь Моники из Житомира, и отдашь все, что заработано непосильным трудом. Когда же этот ресторан, уже ладони зачесались и шампанское выходит.

Горячий душ восстановил на какое-то время жизнедеятельность организма. Кофе, принесенный портье, «выровнял» лицо. Новый галстук с рубашкой рвались в бой, обещая победу на любом уровне.

Как только был дан сигнал, Виктор, взяв в руки кейс, ринулся вниз к автобусу. Чем ближе они подъезжали к ресторану, тем сильнее все прижимали к себе дипломаты, поглаживая их ладонями рук, что выглядело как действия секты или традиция команды перед игрой. Виктор погладил кейс рукой, постучал пальцами, приложил дипломат к уху и даже облизал замки языком. Со стороны это выглядело, как более серьезное поклонение этому божеству. Это не осталось незамеченным. Виктор подметил, что при выходе из автобуса все тоже быстро лизнули замки своих кейсов. Это его развеселило и огорчило, а вдруг обойдут.

Ресторан ждал их, и как только они появились, сразу же все и началось. Водка текла рекой, шампанское било фонтанами, девицы шли строем, но присутствовали и мужские приветствия веерами конвертов.

Слаб стал депутат, слаб. Один Виктор дергался до последнего, но и он не Бог Бахус, а всего лишь смертный, который не берет взяток, депутат. Когда распорядитель приказал всех грузить, Виктор попытался уйти, но, увлекаемый провожающими, был внесен в автобус на руках. Автобус своим теплом победил его волю к освобождению. Виктор почувствовал, как действует алкоголь и, обняв свой дипломат, уронил на него свою буйную головушку. Эх, цветная речка и желтые берега!

Битый час автобус колесил по Москве, подвозя депутатов к их апартаментам. Последним остался Виктор, который так сладко спал и про которого практически забыли.

– Алло, уважаемый, я думал, уже всех развез, чуть в гараж не поехал, а ты тут спишь себе. Тебе куда, почему этот распорядитель про тебя забыл. Вот народ. Быстрее бы самому улизнуть, а ты разбирайся за него. Вставай, куда тебе?

Виктор разомкнул веки и посмотрел на стоящего мужика.

– Тебе чего, ты кто?

– Нажрутса, делопуты! Я – водитель. А вот кто ты, это другой вопрос.

– А где я?

– Приехали. Куда тебе? Мы почти в центре стоим, чуть не отвез тебя в гараж, спал бы дальше.

– Не шуми, мужик, ты чё, ослеп, на депутата орешь! Где мы?

– В Москве, в самом ее центре, вставай. Посмотри!

– В Москве? Дома? Ты говорил – дома?

– А Москва, что тебе, не дом что ли? Адрес говори.

Ну, очень тяжело было вот так просыпаться. Где – где, а в Москве Виктору точно было нечего делать, но не скажешь же, что бы тебя везли на вокзал. Выйти с кейсом, полным денег тоже нельзя. Вон на улице ни одной живой души, кроме полицейских луноходов с мигалками. Выйдешь, заберут, и рассказывай, где деньги взял.

– Ну, проснулся, давай адрес диктуй, я тоже устал, думаешь, я успею выспаться до следующей командировки.

– Не нервничай, тут дело такое, когда уезжал, с женой поругался и очень серьезно, думаю все, хватит. А тут... – и Виктор похлопал по дипломату.

– Так бы и сказал, а то я адреса твоего не нашел, когда распорядитель выходил.

– Да я и не оставлял, знал, что надо будет возвращаться в другое место, а сейчас не соображу, может и туда не надо.

– Точно, спешить не надо, из огня да в полымя. Давай, я тебя в гостиницу определю, есть такая. Вашего брата выручает, да и нашему покуражиться дает.

– Очень хорошо, надеюсь не очень убогая?

– Убогая? 800 баксов – самый дешевый номер.

Автобус лихо рванул с места, и буквально через полчаса они подъехали к розовому зданию, больше похожему на немецкий домик фермера, чем на гостиницу. Виктор на такие домики насмотрелся, путешествуя по Европе. Видно было, что это архитектурное произведение строили поляки в немецком стиле: розовый с керамической черепицей крыши. Виктора встретили, как подобает, инкогнито, не спрашивая его должности и фамилии. За номер он отдал 800 баксов, посетовав на финансовые трудности в столь поздний час. Пожав добрейшему водителю руку, Виктор удалился в номер.

В номере Виктор поскорее нырнул в кровать и попытался поскорее избавиться от действительности, стараясь побыстрее увидеть цветную реку и желтые берега. Он жаждал встречи с Морфеем, который не спешил посетить его. Виктора начинало раздражать его состояние, лучше бы его отвезли в гараж, а утром он ускользнул бы на вокзал.

– Морфей, приди! Ты нужен мне, ты никогда не приходишь, когда так нужен, чтобы разобраться в самом себе. Ну, где ты, Морфей?

Виктор решил, что, скорее всего, этот Бог сна сегодня не придет и, долго не мучаясь, пошел откисать в ванну. Вода приводит в чувства и делает мысли легкими, как и тело. Виктор четко принял решение дождаться дневного движения общества и, покинув это заведение, добраться до вокзала и уехать домой. Но для начала к Саше, а от него начинать воевать с поселившейся у него вампиршей.

Вволю наплескавшись, лжедепутат включил телевизор и, открыв банку пива, решил скоротать время за просмотром телепередач. Благо спутниковая антенна позволяла не останавливаться на просмотренном. Так, прыгая по передачам, Виктор допрыгал до семичасовых новостей по одному из московских каналов. На голубом экране он увидел себя, выступающего с речью перед собравшимися людьми. Он не только увидел, но и услышал отрывок из своего монолога, и бурные овации снова напомнили ему минуты блаженства и его величия. Но все проходит, а факты остаются, и вот такой факт Виктор вряд ли ожидал. Его теперь будут крутить целый день, и могут начать узнавать на улице. Тело Виктора сжалось, сердце забилось чаще, он уже начал понимать, что его безрассудство привело его к черной пропасти и говорит, что надо прыгать.

Стук в дверь заставил Виктора отойти от пропасти и спросить кто там. Портье сообщил, что привез завтрак.

– Но я не заказывал завтрак.

– Извините, но мужчина из 375 номера распорядился для вас.

«Водитель», – промелькнула догадка, – «остался покуражиться или тоже устал». Виктор открыл дверь. В комнату заехал столик с завтраком, и шустрый коридорный быстро удалился. Виктор не успел дать ему чаевых, хотя пошел к костюму с целью найти купюру небольшого достоинства. Пока Виктор возился в кармане, взор его блуждал по пиджаку и остановился на значке депутата. «Значит, я его вчера не снял и брал номер во всем своем бестолковом величии. Завтрак – это не водитель, а очередной проситель». Так оно и было. На столе рядом с подносом лежала визитка с фамилией Оганесян прииск «Золотая Жила».

– Очень хорошо, – беседовал сам с собой Виктор, – этот захочет землю, недра и мою душу в придачу. Душу могу завернуть и подать, а вот землей и недрами не распоряжаюсь. Определенно, мне совсем надоело жить, надо убежать.

Просто так, ради интереса он открыл салфетку, открыл крышку подноса, взял вилку, попробовал на вкус, потом попробовал все, что было на столе, запил шампанским и уже не смог

остановиться. Завтрак, совсем не интересующий Виктора, был полностью уничтожен. Теперь-то точно можно покидать столь гостеприимное заведение. На столике зазвонил телефон.

– Виктор Семенович, извините, ради Бога, это вас беспокоит администратор гостиницы. Скажите, будьте так любезны, за вами заедут, или вы соизволите воспользоваться нашей машиной? У нас не хуже, чем ваши. Нам бы не хотелось вас обнаружить. Как нам стало известно от вашего вчерашнего сопровождающего, вы здесь инкогнито. У вас проблемы на личном фронте, – в трубке прокашлялись, – извините, конечно, это дело житейское.

Имя, отчество, они уже все знали. Ну да, водитель, телевизор.

– Вы правы, извините, не знаю вашего имени, но лучше, наверное, вашу машину, а своим на работе скажу, что ехал на метро, как все нормальные горожане, – и Виктор попытался засмеяться. Его смех поддержали на том конце провода.

– Когда подать машину?

– Подавайте к 9 часам, можно не с парадного?

– Конечно, конечно. Вас проводят. Выходите к 9 часам. Спасибо за доверие. Извините, конечно, но мы организация не государственная, час аренды нашей машины с водителем стоит 500\$. Надеюсь, для вас это совсем не дорого, мы принимаем кредитные карты любых банков.

– Все нормально, не стоит беспокоиться. Я расплачусь наличными. Прошу вас не беспокоить меня до 9:00.

– Упаси Господи, и муха не пролетит в вашу сторону без нашего ведома.

Виктор, поблагодарив, положил трубку.

«Очень хорошо, уйду через черный ход и уеду, на вокзал, конечно, не получится, поеду в Думу, а оттуда уйду пешком и все». Съеденный завтрак и выпитое шампанское в совокупности со звонком приподняли жизненный тонус лжедепутата. Он даже попытался что-то пропеть или промычать.

Кейс! Полный! Набитый до отказа! Виктор и гладил его и целовал, и плясал какой-то танец вокруг него, его мозги затуманились содержимым этого чемоданчика. Можно представить себе, что делает с человеком «ядерный» чемоданчик, если набитый деньгами практически лишает здравого ума, и хочется пуститься во все тяжкие...

Мысли Виктора были уже в теплых странах с экзотическими названиями, и в постели с пышногрудой красоткой, и в автосалоне перед выбором суперавтомобиля, и на заводе, приобретенном им по случаю. Он предавался вполне реальным мечтам, держа в руках чемоданчик с деньгами. Он не знал, сколько там денег, но был уверен, что на половину его желаний хватит точно. Бог с ней, с этой квартирой, за которую надо еще столько отдавать, что половина кейса точно опустеет. Бог с ней, с живущей в этой квартире бестией, ее оттуда выгонят, и он надеялся, что очень скоро. Бог со всем тем, что он вдруг захотел бросить. Он уедет на юг, купит домик и будет ловить рыбу в море и все. Все решено, так он и поступит. Звонок телефона резко вывел Виктора из транса.

– Алло, Виктор Семенович, извините, но за вами через 10 минут зайдут, будьте готовы, удачного дня, еще раз извините.

Господи, расселся тут. Надо одеваться и уезжать к своей новой мечте или старой, но до этого времени дремавшей внутри него, на самом дне его сознания. Время, время, надо делать все быстрее, на улице XXI век, а он все мечтает. В дверь постучали.

– Сейчас выйду, – буркнул Виктор, глядя на себя в зеркало перед выходом.

Оставшись доволен своим внешним видом, он открыл дверь, но тут же хотел ее закрыть. Его ждали человек 20 и все, как только он сделал первый шаг, загалдели, наперебой представляясь и прося. Кто-то вставил ногу в дверной проем, кто-то ухватился за дверь так, что ее нельзя было сдвинуть и трактором. Виктор оторопел от такого наглого поведения. Стоять в проеме не было смысла, надо было прорываться. Но не тут-то было. Его пригвоздили к стене в коридоре.

– Я – Оганесян, вы должны меня принять и выслушать.

Как и где мог он его принять, да и всех остальных. Надо было хотя бы пообещать, может и отстанут.

– Успокойтесь, граждане, господа, я не могу вас здесь принять. У меня вообще нет собственного кабинета. Я работаю в группе.

– Да мы знаем, вы не волнуйтесь, вечером придете, и примите, мы тут проживаем, – хитро улыбался армянин.

Виктор хотел с ним согласиться и даже пообещать, что так оно и будет, но не успел этого сделать. Напротив его номера открылась дверь, и в дверном проеме он увидел ангела. Ангел, в виде красивой девушки, был окутан ярким светом, проникающим откуда-то сзади неё. Она стояла, разглядывая Виктора, распятого на стене коридора. Виктору показалось, что она что-то сказала, улыбнулась и, хлопнув дверью, пролетела мимо него, так и оставшегося прижатым к стене.

– Она что-то сказала? – спросил Виктор у коридорного, стоящего рядом с ним, продолжая смотреть вслед проплывающей по воздуху красоте.

– Она сказала, что так вам и надо, ну где еще в жизни можно встретить живого депутата?

– Да, но она мне улыбнулась, или мне показалось?

– Видели бы вы себя со стороны у этой стены, сами бы рассмеялись.

– Так, все, замолчи и не умничай. Стоп! – закричал Виктор на весь коридор. – Давайте поспокойнее. Я буду вечером здесь и постараюсь поговорить со всеми, а пока разрешите мне пройти на службу, иначе меня выгонят. Я должен отчитаться за поездку по стране.

Очень весомый аргумент про службу, но еще более весомый, это то, что он увидел её и теперь точно вернется. Обо всем этом сообщил портье, все понимающий в этих взглядах.

Как только пошли по направлению к гаражу, Виктор начал задавать вопросы: кто, что, как ее имя. Портье улыбнулся, спрятал одну руку за спину, сделал жест большим пальцем руки смотрящим им вслед, и начал рассказывать все, что знал об этой постоялице.

Имя ее Ольга, работает у главного архитектора города Москвы, приехала по приглашению из города «К», пока проживает в этой гостинице, но ожидает получения жилья. По мнению портье – порядочная, ухажеров нет, и он, Виктор, был сейчас удостоен ее внимания. Это просто немислимое счастье для некоторых.

– Давай быстрее, может, мы успеем, и я ее подвезу.

– Нет, она уже давно на метро уехала.

Виктор замолчал, он думал о ней, о метро, и даже не заметил, как уже ехал по Москве с включенной мигалкой и депутатским номером. Полиция отдавала ему честь, а автомобили уступали дорогу. Водитель то и дело давил на крякалку. Кря-кря, немного вперед и снова кря-кря. Виктору не верилось, что такое возможно в этой жизни. Он лжедепутат, откуда-то взялась лжедепутатская машина. Наверное, у встречного гаишника были искусственные усы, за них хотелось дернуть.

«Может, я в другом измерении или сплю летаргическим сном, а может раньше выехать и заехать в Кремль, посидеть в кресле президента, ну, должен же быть за деньги лжекабинет главы государства.

Который раз Виктор прокручивал кусочек, снятый им в ресторане на мобильный телефон. Является ли доказательством то, что мэр города прячет в карман депутата конверт. Наверное, нет, ведь никто не может узнать, что в конверте. Зачем он это снял, ему пока не понятно, но вот этот эпизод сильно на него подействовал. Словно цунами, перед которым сила морей теряется, и сделать ничего невозможно, разве, что убежать, но цунами может накрыть везде. Обманутые люди вокруг, или люди, обманывающие людей. Сложность суждения, граничащая с простотой действия.

Дают – бери, бьют – беги – аксиома выживания на все времена. Что я могу для вас сделать? Такой вопрос может встать перед любым из нас, живущих на этой земле. Одиночество плохо для того, кому негде жить и того, кому мало места для жизни. Почему ему нужна земля под кладбище? неужели хоронить негде?

Машина остановилась, и водитель сообщил, что они приехали, а заодно поинтересовался, как ему быть: ожидать или он приедет на своей. Не у всех же депутатов есть такие авто. Черт с ними с 500\$ в час, пусть подождет. Завтра он с Ольгой поедет на метро. Познакомится и отвалит отсюда, но лучше бы с ней. На словах это звучало немного по-другому:

– Подождите, я недолго, если будет изменения, вам сообщат.

Виктор вышел и направился в Государственную Думу РФ по улице Охотный Ряд дом 1, где на здании висела табличка «Федеральное собрание Российской Федерации». Вот занесла его нелегкая. Он стоял перед зданием, которое часто видел на ТВ, но ни разу даже близко не подходил к нему. А сейчас его машина в ряду подобных, а он стоит у открытых дверей, и никто не говорит ему «исчезни».

«Ну что ж, вперед, волонтер», – сказал про себя Виктор, – «пора пройти экскурсию», – и вошел в фойе Государственной Думы РФ.

Как и ожидалось, на него мало кто обратил внимание, тем более, что войдя, он сразу снял значок и был схож со множеством толпящихся просителей. По громкоговорителю Виктор услышал, что собранная экскурсия по Госдуме отправляется через 10 минут, и всем лучше собраться у раздевалки. Вот это то, что было просто необходимо для Виктора: прогуляться по этажам с бабушками и хоть немного иметь представление, о чем идет речь, если он вдруг решит продолжить играть роль депутата. Виктору не понравилась обстановка и отношения думцев, царящие в кабинетах вождей партии.

Не было в кабинетах самой думской жизни, где, как представлялось Виктору, в кабинетах из-за дыма можно топор вешать, а аппарат, готовящий кофе не успевают ремонтировать. Выходило, что никто в этих кабинетах и не думает. Там были только плакаты, брошюры, листовки и рулоны бумаги. Люди входили, забирали агитационный материал и уходили. Такое впечатление, что Дума предназначалась не для дум, а для расфасовки агитационной почты. Наверное, все обо всем уже успели передумать и теперь только выполняли. Интересно, где все же обсуждались темы, так наболевшие в стране. Если не в Думе, то, наверное, по баням, саунам и домашним кабинетам. Как скажет босс, так и будет. Значит, в Думе есть 5—6 боссов, а остальные рабы, балласт, чтобы корабль не перевернулся. Не надо быть самым умным, что бы видеть и понимать. Вот говорить нельзя, иначе могут разорвать на мелкие кусочки, потом не соберешь.

Когда их завели в столовую, Виктор понял, что Родина депутатов – это желудок. Почти на каждом столе лежал «Мезим» – для Родины незаменим, и темы обсуждались соответствующие: у кого какие колики, спазмы, вздутия. Смешно смотреть, как вожди глядят свои животики, заставляя своих подчиненных слушать, что же там у них заурчало.

После вполне съедобного обеда их повели посмотреть на зал заседаний, где происходило голосование и обсуждение злободневных тем. Депутаты после обеда откровенно спали в зале Госдумы. Бедные, как страдают за народ, спят сидя!

Виктору вся эта госдумовская мишура не только не понравилась, он был разочарован и сражен наповал. Как он смог бы помочь тем, кто ждал его помощи, будучи настоящим депутатом? К кому идти, к кому обратиться, если кресла вождей пусты, а секретари только красивы? Вопросы надо начинать решать с самых низов, с отделов, с групп, с замов. Сам вождь партии может решить только один вопрос, которые ему поручит президент, и, к сожалению, все.

Все эти мысли покидали Виктора с каждым шагом, ведущим к выходу из этого пустого во всех отношениях здания. Виктор переключился на архитектора в юбке, которого он мечтал увидеть, как можно быстрее. Уже окончательно выбравшись на свежий зимний воздух, он

вдруг вспомнил, что кроме этого дурацкого костюма, из-за которого он снова попал в неприятности, у него нечего надеть. Надо было срочно спуститься в бутики на Охотном Ряду. Как-то он там уже бывал.

Попросив водителя переместиться немного ближе ко входу в бутики, он отправился в Охотный Ряд пешком. Джинсы, какая-то майка, пуловер, свитер, ботинки и спортивное обмундирование: все, что он просил, ему тут же приносили и делали скидки, когда видели его снова оказавшийся на месте значок. Изрядно нагружившись покупками, Виктор еле дошел до машины, где был встречен предусмотрительным водителем. «Сразу видно, что человек серьезно ушел из семьи», – решил про себя водитель.

Покупки, посещение учреждения, где он якобы должен был работать, предстоящая встреча с архитектором Ольгой – все смешалось в голове у лжедепутата. То, что он побывал в Госдуме, дало ему толчок для употребления терминов, услышанных им на досуге в кабинетах народных избранников. Чувство слияния его лжедепутатства и желания быть настоящим, вывело Виктора на новую орбиту жизни. Он и сидел в машине по-другому, и отвечал на звонки сотового, отчитывая неизвестно кого. Виктор постепенно входил в роль.

Ворвавшись в гостиницу, он оповестил администратора, что после того, как он примет душ и переодеется, он готов принять утренних ходочков. Очередь они составят сами, и по первому требованию окончания аудиенции просящий должен покинуть номер, иначе он должен будет съехать из этой гостиницы. Обрадованные служащие клятвенно заверили, что как он сказал, так и будет.

Открыв дверь номера, Виктор был приятно удивлен. На столе стояли цветы, словно он известный ведущий ток-шоу.

Не успел Виктор понежиться в ванной в свое удовольствие, как в дверь настойчиво постучали. Нарядившись в спортивный костюм, Виктор открыл дверь. На пороге стоял Оганесян, но, а кого бы он мог увидеть, кроме владельца прииска «Золотая Жила».

Аудиенция началась. Как и положено гостеприимному хозяину, Виктор предложил гостю кофе, виски, чай, но пока он перечислял, на столе появились коньяк и фрукты. Оганесян был очень предусмотрительным человеком, и, как только были выпиты первые рюмки, перешел к делу. Ему была нужна соседняя земля, примыкающая к его прииску, а там находился какой-то лесхоз.

– Продолжайте, я вас слушаю. Не смотрите, что я читаю, я просматриваю новости. Очень внимательно вас слушаю. Вы знаете, уважаемый, как сказал бывший советник президента некто Радионов? Он сказал: «Разные компании получают неравное отношение со стороны органов государственной власти. Один предприниматель получает орден, а другой – 8 лет заключения за ту же деятельность».

Слова про орден вызвали у Оганесяна улыбку, он даже закатил глаза в потолок. Когда же Виктор упомянул о 8 годах заключения, заерзал в кресле и изменился в лице.

– Но я, мы, я понимаю, что это не дешево.

Виктор не обращал внимания на его реплики, продолжая выглядывать из-за газеты.

– И как человек, который не понимает разницы между орденом Абрамовича и 8 годами Ходорковского, мог так долго проработать в Кремле?

Виктор снова углубился в газету, напуская на себя очень важный вид. Оганесян почувствовал, что его поняли. Ему оставалось только назвать сумму, и он ее назвал. В комнате воцарилась мертвая тишина. Оганесян не дышал, он ждал. Что скажет депутат Петров.

– А вот, что говорит член президиума Госсовета нашей партии: «Партия ДОН должна стать приводным ремнем от общества к власти, который заставлял бы власть возвращаться в интересах общества», – слова Виктора были расценены Оганесяном как согласие, и он заулыбался.

– Однако, уважаемый, некоторые более высокопоставленные люди думают иначе. «Ремень в политике – это инструмент двойного действия. В трудные времена власть затягивает

его на животе общества, им же лупит по заднице всех недовольных. Иных вариантов использования не предусмотрено», – и снова Виктор вынырнул из-за газеты, с интересом разглядывая Оганесяна.

– Это правильно сказано, надо затянуть ремешок потуже и потерпеть, – и Оганесян удваивает названную им сумму.

– Мы за развитие прекрасных отношений с предпринимателями вашего ранга, – Виктор встал и протянул руку, говоря этим, что аудиенция закончена.

– Сегодня вечером я приглашаю вас в один хороший ресторан.

– Пока я не могу распорядиться своим временем, но и отказать тоже не вправе, давайте доживем до этого вечера.

Оганесян раскланялся и прошептал на самое ухо Виктору:

– Сегодня все будет у вас и бумаги тоже. Вам не составит труда их подписать.

– Уважаемый, мы уже обо всем с вами поговорили, все будет подписано, не волнуйтесь.

Следующий! – крикнул Виктор через плечо армянина.

Через три часа изнурительного изучения газеты, Виктор просто выдохся и попросил администрацию перенести остальные встречи на завтра. Он также высказал мысль, что задержится здесь еще на пару дней.

После посещения просителей, дипломат, стоящий в шкафу внушительно потолстел. Виктор даже призадумался над тем, что придется покупать второй, если так пойдет и дальше.

Кто-нибудь поможет ему встретиться с архитектором в юбке? Как ему подойти? Какой предлог для этого нужен? Забили голову землей, золотом, алмазами, нефтью, а у него любовь. Только как к этой любви найти подход? Посмотреть, выходит ли она куда по вечерам.

Виктор наклонился к замочной скважине и вынул ключ. Он видел ее дверь и больше ничего. Так простоял он полчаса.

С каким вопросом постучать в эту дверь? Что я ей скажу? Я – лжедепутат, и боюсь, что скоро меня посадят в тюрьму? Как она улыбнулась, только за эту улыбку можно умереть. Что он стоит, надо добиваться ее, что он теряет время?

Виктор встал, распрямил спину, вставил ключ обратно в замок и открыл дверь. Дверь напротив открылась одновременно. В проеме стояла она с широко открытыми глазами, смотрящими на него.

– Здравствуйте, – тихо сказал Виктор.

– Здравствуйте, – тихо сказала Ольга.

– Я просто хотел посмотреть на вашу дверь.

– Я просто хотела посмотреть на вашу дверь.

– Я не знал, как вас увидеть.

– Я не знала, как оказаться на вашем пути.

– Я забыл все слова, которые хотел вам сказать.

– Я забыла все слова, которые хотела вам ответить.

– Вам стало меня жалко, – и Виктор прижался к стене, парадирюя себя утреннего.

– Я вам понравилась?

– Меня пригласили в ресторан, но я не хочу идти без вас.

– Я с незнакомыми мужчинами в ресторан не хожу.

– Виктор, Петров Виктор Семенович, но это не обязательно.

– Ольга.

– Теперь мы знакомы?

– Кто вас пригласил?

– Оганесян, золотой прииск.

– Я его знаю, он здесь давно проживает, я согласна.

Виктор оторвался от стены, делая какие-то смущенные пируэты.

– Если у меня спросят: есть Господь Бог? – я скажу – есть. Одевайтесь, мне скоро сообщат, что я самый счастливый человек на земле.

– Хорошо, я скоро буду одета, – и Ольга, улыбаясь, закрыла дверь.

– Есть! Ай, да я, – Виктор выделявал невообразимы кренделя, не заметив, что за ним наблюдают две горничные. Только когда они захлопали в ладоши, аплодируя его невообразимым трюкам, он очнулся и скрылся в номере.

– Да, да, да, да, да, да, да, да, да, да...

Они молчали, подходя каждый к своей двери. Наверное, им не хотелось расставаться, но есть определенные правила этикета, и их, наверное, надо выполнять. В принципе, это кому как заблагорассудится, но если есть начало, то лучше потом, без плохих воспоминаний.

– Спасибо за прекрасный вечер, Виктор.

– Оганесяну надо выступать с Петросяном, такой талант пропадает.

– Вы правы, он очень смешной.

– Не знаю, как с его просьбой по поводу земли, но орден он точно заслужил, судя по его рассказам. Ольга, вы позволите, я подвезу завтра вас на вашу работу?

– Если вам не в диковинку передвижение на метро.

– Я согласен. Я согласен хоть пешком.

– В таком случае, нам пора отдыхать. Спокойной ночи, Виктор.

– Спокойной ночи, Ольга, приятных вам сновидений. А во сколько вам выходить?

– В 9:00, не опаздывайте, – Ольга улыбнулась и исчезла за дверью.

Виктор походил по коридору, постоял возле ее двери, даже поднял руку, намереваясь постучать, но, не найдя весомого вопроса, развернулся и зашел к себе, так и не решившись побеспокоить ее.

Сон не приходил. Перед глазами было лицо Ольги, глаза, улыбка, волосы. А какая у неё фигура, просто идеальные формы тела. Характер у неё, наверное, ангельский. Не мог он себе представить её танцующей на кухне стриптиз. Хотя в частном порядке – это было бы незабываемое зрелище. Почему так получается, что сначала попадаетесь кошмар, а потом уже ангельское создание.

Так и не понял, спал он или нет, но в 9:00 Виктор стоял у дверей Ольги в полной боевой готовности: одет, чисто выбрит, и, самое главное, трезв как стеклышко.

Метро. Она думает, что оно для него в диковинку. Неужели он похож на чистоплюя или женщину так легко ввести в заблуждение? Практически все его предыдущие поездки в Москву связаны с покупкой товара на оптовых складах. Только метро позволяло пробежать эти склады как можно быстрее и вернуться на последнюю электричку, ведь надо было уложиться в один день. Как она прекрасно, хотя и видно, что немного рассеяна после ночи, но и это ей к лицу. «Наверное, я влюбился», – решил про себя Виктор.

– Виктор, вам надо было поехать на работу, вы из-за меня опоздаете.

– Не волнуйтесь, Ольга, я всех предупредил, что задержусь. А что, если мы перейдем на «ты», мы же не так стары, как кажемся.

– Попробуй, – улыбнулась Ольга.

– У тебя получилось. Во сколько ты заканчиваешь работу, я буду ждать тебя у входа в метро?

– Ого, ты делаешь определенные подвиги.

– Разве это кого-то удивляет?

– Прости, я, наверное, делаю и говорю глупости, в 18:00.

– Я не совершаю никаких подвигов, но готов умереть за твою благосклонность.

– Хитрый, знаешь, что мертвый ты пока мне не нужен.

– Ну, слава Богу, а я-то думал, что с юмором у тебя тяжело.

– Моя остановка, тебе чуть дальше.

– Не волнуйся и работай, в 18:00 – я у входа, не перепутай меня с кем-нибудь.

Ольга вышла из вагона с улыбкой на губах, а Виктор продолжал строить ей рожицы, стараясь обращать на себя как можно больше внимания. Вагон тронулся.

Ну, почему он должен куда-то уезжать, а она идти на работу? Есть деньги. Есть они, как казалось Виктору, питающие друг к другу интерес, что еще надо? Точно, он дождется и не успеет насладиться влюбленностью, как его посадят в тюрьму. Надо срочно во всем признаться, или выдумать, что его переводят в Сочи, а ей лучше последовать за любимым.

Любимым? Так ли это, или это далекое будущее? Такие как она вряд ли делают опрометчивые шаги. А что, если она рассмеется ему в лицо, узнав что он липовый депутат. Теперь Виктора начинали одолевать сомнения в правильности своих начинаний. Размышляя над своим положением, Виктор дошел до Охотного Ряда, дом 1.

В здание он заходил в надежде встретить кого-нибудь из тех, с кем ездил по городам и весям, с кем было выпита бочка водки и съеден пуд соли с тонной мяса. Надо было попробовать отработать набитый дипломат, помочь одному или нескольким.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. Только успел снять дубленку, как сзади его кто-то окликнул по имени-отчеству с пожеланиями доброго утра. Как не хотелось Виктору поворачиваться на голос, который всплывал в его памяти. Видно это судьба, и он обернулся. Перед ним стоял тот, кто едва не закончил его карьеру депутата, тот, кто тоже работал в отделе земля – недра, и тот, кто пытался разоблачить лжедепутата Петрова. К чести самого Петрова, он тогда вышел из положения. А что сейчас? Наглая рожа смотрела на него сквозь очки и улыбалась.

– Не припомню, извините, вашего имени... – Виктор приподнял руку кистью ко лбу, как бы заставляя этим работать свою память.

– Юрий Владимирович Снежко.

– Да, да, Юрий Владимирович, как же, помню. Вы, значит, на работу? Как ваше самочувствие?

– А я вас рассекретил, Виктор Семенович.

Как он смотрел, какое злорадство, сколько вальяжности, что он говорит, он знает про липового депутата? Его надо толкать и бежать отсюда. Вот, урод, мать его.

– Я, конечно, извиняюсь, – продолжил уже в более спокойном ритме Юрий Владимирович, – но не мог же я не сказать сослуживцам, что нас курируют, и не показать вас по ТВ. Теперь мы все вас знаем.

Фу, пронесло, он что debil или мозги оставляет жене. Стоит и издевается, ан нет, батенька, не позволим.

– А вы отдаете себе отчет в ваших действиях? Вы понимаете, что совершили непоправимую ошибку? Мне придется доложить в президиум Госсовета нашей партии, скажу прямо, самому председателю, о вашем недостойном поведении. Я вам рассказал по секрету, когда мы были с вами в разведке, а вы, значит, предатель?

Снежко изменился в лице, ноги стали у него ватными, и Виктору пришлось поддержать его, иначе он бы упал в обморок.

– Вы хотели выглядеть перед коллегами в хорошем свете всезнайки? – продолжал отчитывать его Виктор.

У Юрия Владимировича затрясся подбородок.

– Держите себя в руках. Натворили бед. Давайте отойдем, на нас могут смотреть. Идите же вы, ну, раз, два. Не бойтесь, я вам помогу исправить ваш промах.

Виктор подробно рассказал Юрию Владимировичу, что ему надо сделать. Виктор не стал сильно нажимать на ничтожество, стоящее перед ним, но дела армянина, кладбища и еще пару дел все-таки поручил. На все-про все у Снежко было два дня.

Виктор пояснил, что контроль над их отделом будет еще три дня, и по недоумству Снежко, он не может участвовать открыто, потому будет выполнять работу в гостинице. Юрию Владимировичу требовалось кроме решения поставленных перед ним задач, решить и еще одну: сдать Виктору со всеми потрохами неугодных отделу или лично Юрию Владимировичу Снежко. Виктор делает свое дело, Снежко – свое, и все довольны, в своем отчете Виктор отразит самоотверженный труд депутата Снежко и в агитационном походе и в Госдуме.

– Да, уважаемый. Не забывайте, что сегодня все, кто так или иначе связываются с вашим отделом, могут быть контролерами из нашей группы. Я не могу вам выдать наших людей, но если вы будете консультироваться со мной хотя бы по телефону, то я вам лично помогу. Вам все понятно?

Снежко закивал, так и не обретя дара речи. У Виктора зазвонил телефон.

– Алло, Ольга! Это ты, какая радость, но я работаю и пока не могу разговаривать. У меня люди. Я перезвоню, извини.

Закрыв потихонечку телефон, Виктор посмотрел Снежко в его очки.

– Идите и выполняйте. Из-за вас я не могу помириться с собственной женой, а он, – Виктор многозначительно показал на карман, – пытается...

Юрий Владимирович понимающе закивал, записал номер телефона, и, согнувшись, убежал внутрь пустого здания. Интересно, он сделает хоть что-то, или я просто выиграл время и надо уносить отсюда ноги.

Еще минуту назад он отдал дубленку в раздевалку и уже просил ее обратно, держа трубку телефона у уха. Он говорил, что не успел зайти в отдел, а они его вызывают, так нельзя работать. Как понимала его гардеробщица, отдавая его дубленку, ну нет человеку времени даже на кофе. В принципе, как успел отметить Виктор, все было пристойно, и его приход, и беседа с сослуживцем, звонок и разочаровывающий путь в обратном направлении, но надо, так надо. Кому охота уходить в зимнюю пургу с Охотного ряда, дом 1.

После почти пяти часов бесцельного блуждания по Москве по кафешкам и магазинам, к шести вечера он стоял с букетом у входа в метро.

Они разговаривали по телефону даже тогда, когда уже увидели друг друга.

– Оля, может, сходим в кино?

– С удовольствием, только куда и на какой фильм?

Наверное, в их положении, начинающих влюбляться, нет возможности что-то выбирать, они не видят куда идут, или что происходит вокруг. Нет ничего романтичнее этой начинающей влюбленности, как бы это не происходило и в какой бы раз. Ухаживать за тем человеком, который отвечает тебе взаимностью, легко и приятно. Столько много хочется, столько делаешь, полностью отдавая себя в руки любящего тебя человека, что жизнь кажется переполненной чашей.

Глава вторая

Если вьюга зимой, то это декабрь, тут к шаману ходить не надо. Если в стране горячие споры на кухнях, в банях, в очереди, то это выборы. В это время у народа сильно чешутся языки и кулаки. Споры начинаются с самого утра, и продолжаться могут весь день и всю ночь.

Одним так надоело слушать бредовые обещания мямлящих и ахающих кандидатов, что они готовы лезть буквально в драку, доказывая свою правоту. Другие хотят больше надбавок, дотации и льгот. Но в основном, все сходится в одном, власть отдаляется от народа семимильными шагами. На смену старым добрым «пора начать», пришли слова из далекого будущего, несопоставимого с настоящим. А эти приставки «а» так раздражающе действуют, как красная тряпка на быка. Нельзя понять, «а» – это вопрос, или заглушка непроизносимого ругательства.

Конечно, все итоги правления ДОНа и самого президента будут подведены в 20... году, но и сейчас видно, что так дальше продолжаться не может. Повзрослевший российский избиратель будет оценивать только по одному критерию: в каком состоянии будет находиться Россия к концу их правления.

Сегодня наши граждане знают, что при слове «реформа» надо прятаться и держаться за карманы. Потому что знают, ничего не дадут, только отберут. Скорее всего, слова следующего президента будут звучать так: «Эх, ухнем – само пойдет». День бурлаков на Волге недалек. Нефть заканчивается, газ сгорит. Одно радуется, что мы пока еще не все сидим в тюрьме.

Ни что не предвещало грозу на ясном небе отношений Виктора и Ольги. Начальная стадия влюбленности вот-вот должна была вылиться в одну единственную любовь. Но есть зонтик, и там обязательно должна была появиться черная туча. И она появилась. Туча носила имя его бывшей подружки и ее нового бой-френда.

Компаньон Виктора Саша предупредил, что они разыскивают его в связи с его появлением на ТВ, и у них далеко не ангельские намерения.

«Вот паскуда, ну нет меня, ушел я, что тебе надо? Это не твое жилье, уходи тоже. Так нет, они, наверное, и живут в его хоромах, а может уже вывезли всю мебель». К сожалению, Саша не знал, что творится у него дома, но обещал выяснить. Он и сам волновался, куда пропал друг, а тут во всех новостях выступления. Почему молчал, что состоит в партии?

Как только Виктор ни объяснял, что это случайность, Саша не хотел его понимать. От такого общения проку не было. Виктору ничего не оставалось, как попросить компаньона сделать то-то и то-то без объяснений, дескать, так надо. Конечно, Саша все сделает, разве он не понимает, что Виктору нужна помощь, но он также надеется, что и Виктор не бросит его прозябать в провинции.

А как объяснишь человеку, если он видел тебя по телевизору? Случайность? А говорить по телефону, что он сам влез в этот дурдом, и это не случайность, а блеф, Виктор боялся. Могут прослушать и арестовать, и тогда он не увидит Ольгу. Теперь надо быть внимательней. Не дай Бог, «она» его здесь найдет.

Виктор рассуждал здраво. Если до сих пор за ним не пришли с наручниками, то они его не сдали, а ищут для шантажа, это тоже понятно.

Вторую половину дня после вчерашнего посещения кинотеатра Виктор провел в приемах и звонках Юрию Владимировичу. Последний обещал доставить к вечеру очень, как он выразился, интересный материал, касающийся его отдела. Встречу назначили в кафе возле гостиницы Виктора на 20:00.

Не хотелось Виктору терять вечер на этого депутата – предателя, но все-таки хоть небольшая, но вероятность того, что он себя обезопасит, была. Имея компромат на депутатов, его поведение можно будет спустить на тормозах.

«Депутатская» работа так захватила Виктора, что он порой путал реальность с собственным вымыслом. Деньги он отнес в банк, открыл счет и получил карточку. Теперь он знал, сколько у него денег, и на что бы этих денег хватило. Кроме того он через каждый час звонил Ольге и беседовал с ней минут 15 – 20.

Разговаривали они буквально обо всем: где учился, работал, продвижение по службе, отношение к тому или иному жизненному факту. Если Виктор, слушая Ольгу, узнал о практически все, то его рассказ был правдой только в одном – дате его рождения. И чем больше он врал, тем больше понимал, что теряет ее, так и не обрета до конца. Он очень боялся сказать ей, что любит ее и услышать такой же ответ. Он любит ее. А кого любит она? Все, что он рассказывал о себе больше подходило его компаньону Саше. Однако остановиться он уже не в силах, потому что и сам себе стал нравиться весь такой положительный, почти герой.

Виктор предложил Ольге посидеть с ним в кафе. Только в 20:00 он пересядет на 15 минут за другой столик и вернется. У него серьезное дело, и другая сторона выбрала это место для проведения переговоров. Ольга согласилась, ей нет разницы, она с удовольствием посидит 15 минут одна.

Почему она спросила, был он там или не был? Но что это меняет? Кафе оно и в Африке кафе.

В 18:00 Виктор был у входа в метро с цветами, и снова они разговаривали по телефону, пока не столкнулись друг с другом носами.

Москва – не Северный полюс, но точно находится где-то рядом. На улице разыгралась не вьюга, а целая пурга.

– Оленька, может, поедем на машине? Она как раз стоит здесь рядом, что-то устал я за сегодня, день какой-то суетной, а тут еще эта встреча.

– Виктор, мы быстрее доедем до гостиницы на метро, чем на машине.

– Есть смысл с тобой спорить?

Ольга отрицательно замотала головой.

– Тогда пойдем вниз, – на ходу Виктор отправил машину обратно в гостиницу.

Наверное, они были последними, кто решил ехать на метро, отпуская своих водителей. Метро было переполнено.

Встречаются ли люди в метро, или больше в пробках? Пока нет статистических данных, но Виктор может начинать отсчет встреч с себя.

Чувство локтя соседа – неотъемлемая часть ощущений московского метро, особенно в часы пик, с утра и по окончанию трудового дня. Попытки держаться рядом потерпели неудачу. Виктора и Ольгу разорвали напополам, и они могли видеть друг друга лишь частями. Позже они делились, кто что видел, и чем больше было перечислено частей, тем больше они понимали, что их дело окончательно и бесповоротно переходит в последнюю стадию их отношений, которые имеют такое древнее значение, что древнее некуда. Оставалось вкусить запретный плод.

Виктору показалось, что одно лицо, упорно уставившееся на него, он точно где-то видел. Но где и когда, вспомнить было тяжело. А когда Виктор захотел еще раз взглянуть на это лицо, то, к сожалению, не увидел его. Остановки не было, кругом столпотворение и давка, а он исчез. Виктор задумался и сразу вспомнил эту наглую физиономию.

«Это как пить дать бой-френд моей бывшей мегеры. Но куда он пропал?». Очень плохая мысль проникла в сознание Виктора: уж, не с ней ли на пару они путешествуют по Москве в его поисках. Холод и злость, бессилие и угроза, страх быть вот так просто свергнутым с построенного им пьедестала, почему-то тормозили его мысли. Как выйти незамеченным, когда на их станции выходят многие? Выйти раньше и позвонить Ольге? Но он не может, в подземке сотовый не берет, а она будет его искать или, чего доброго, ждать.

Виктор ожидал ареста полиции, и здесь не было бы так обидно, если бы не эта шмако-
дзявка с этим прыщем.

Следующей была их остановка. Как только они остановились, Виктор начал движение
вперед к выходу, на ходу разыскивая Ольгу. Ольга первой вышла из вагона. Виктор вывалился
к ней под ноги. Засмеяться у нее не совсем получилось, Виктор схватил ее за руку, и, увлекая
за собой, пошел, расталкивая людей на эскалаторе.

– Я вспомнил, Оля, мне надо срочно сделать один звонок. Это очень важно, ты извини,
что я вот так.

Ольга улыбнулась своей обаятельной улыбкой и прибавила шагу, совсем не отставая
от Виктора. Виктор решил не оглядываться. В темноте вагона рассмотреть его одежду у этого
козла не было возможности, а когда Виктор выпал из вагона, он успел развязать шапку и опу-
стить уши, поднять воротник, ну и сузить плечи. Ему не хватало темных очков и шарфика,
и тогда точно агент ЦРУ.

Только у входа в гостиницу он оглянулся и никого не увидел. Он глубоко вздохнул и рас-
правил плечи. Пропустил Ольгу внутрь и нырнул за ней так быстро, что чуть не сбил с ног.

– Холодно, замерз, – извинялся Виктор.

– Ты хотел позвонить.

– Сейчас, Оленька, обязательно позвоню. Если опоздал, то надо найти уважительную
причину. Мне придется сказать все, как есть.

– Что, ты ехал в метро из-за меня?

– Ну, что ты? С тобой мне все удобно и хорошо, хочешь, я вообще не буду звонить.

– Я тебе мешаю?

Этот разговор привел их к дверям номеров. Виктор демонстративно отдал телефон сто-
ящему рядом портю.

– Возьмите, уважаемый, и отдадите, когда мы выйдем, а на звонки отвечай, что я очень
занят и буду только через... – Виктор посмотрел на часы, через час.

Ольга закрывала дверь:

– Я тороплюсь, мне переодеваться дольше твоего, – и дверь закрылась.

Как можно нежнее и предельно внимательнее, нельзя нагрубить ни одним словом, даже
минута сомнения способна разрушить годы семейной жизни. Нельзя давать повода к сомнению
ни на минуту, это Виктор бубнил себе под нос, отыскивая удобные вещи для похода в кафе.

Выполняя указания Ольги, Виктор одел джинсы и свитер. Как и во что одевалась Ольга,
для него оставалось пока загадкой, но он верил, что и это он увидит, не будучи посаженным
в тюрьму. Почему-то эта ироничная мысль посещала его все чаще и чаще. Зачем он так напряг
Снежко? Надо было просто отпустить и все. Нет, роль начальника так великолепна и в таком
ранге, когда ты командуешь депутатами, тем более руки чешутся.

Дайте немного пенсионерам, они заслужили. Дайте рожать спокойно женщинам России.
Дайте будущее для их детей. Дайте горячую воду, чтобы она была постоянно, а не два часа
в сутки. Зазвенел звонок.

– Ты долго еще, я дверь открыла, а тебя нет.

Виктор бросил трубку и помчался к Ольге. Открыв дверь, он побежал к выходу мимо
какой-то девчушки с косичками. Стоп! Виктор развернулся. Перед ним стояла девочка с двумя
косичками, в джинсах и сапожках как у снегурочки.

– Ольга! Вот это да! Ты постоянно в строгих костюмах, а тут...

– Пойдем, а то на встречу твою опоздаем, ухажер. Чуть барышню свою не пропустил.
Что ты искал, леди?

– Ты просто прелесть.

Как оказалось, кафе действительно относилось к разряду клубов, и Виктору с Ольгой пришлось изрядно потрудиться, чтобы попасть в него. В кафе собирались барды, и атмосфера соответствовала посетителям.

Где-то на сцене бард исполнял свои песни, которые не мешали той тишине, которая так была нужна двум влюбленным. Пока есть о чем разговаривать, нужна интимная обстановка. Администратор прочитал в их глазах именно эту просьбу дать им спокойное, уютное и теплое место. Этим местом оказался угол в самом начале кафе, подальше от сцены и основного общества, присутствующего уже в зале.

Ольга и Виктор мало на кого обращали внимание, они были заняты только друг другом. Мир для них заканчивался за спиной сидящего напротив.

Единственное, что поедом съедало Виктора, это его все еще продолжающийся обман. Но как, возмущался он внутри себя, этот внешний обман может повлиять на их внутренние отношения. Внешность не самое главное, она лежит только в начале всех отношений, но о каком внутреннем диалоге можно говорить, если внешне ты – урод. А если внутренне? Ну не такой уж он неказистый, его внутренний мир. Кто в начале отношений не приукрашивает действительности.

Он готов упасть на колени и сказать ей всю правду. Ну не убьет же она его! Должна простить. Неужели она польстилась на значок?

Виктор слушал Олю внимательно, а пульсирующая мысль оттаскивала его в другом направлении. Вдруг не поймет, и значок тут совсем ни при чем. Надо совершать подвиги Робин Гуда, помогать бедным людям.

Ольга рассказывала историю, как она первый раз ездила с родителями на море, свои первые ощущения от встречи с соленой водой.

– Виктор Семенович!

– А мы вас и не заметили, Юрий Владимирович.

– Оля, это Снежко Юрий Владимирович, – Снежко галантно поклонился.

Виктор представил и Олю тоже:

– А это моя Оля.

– Оля, простите, мне очень приятно наше знакомство, но я бы украл у вас Виктора Семеновича максимум минут на 15.

– Оленька, ты позволишь?

Ольга кивнула головой, взявшись за меню. Мужчины отошли буквально на два стола и сели за свободный. Ольга видела, как Юрий Владимирович открыл дипломат и передал увесистую папку Виктору, которую последний положил себе в кейс. «Работа», – подумала Ольга, она и тут его достает, хотя почему в кафе? А почему бы и нет?

– Виктор Семенович, они сегодня за мной целый день следили и вчера тоже, как только я с вами расстался, так и началось.

«У страха глаза велики, – думал про себя Виктор, – значит я тебя, дружок, сдвинул с мертвой точки».

– Юрий Владимирович, вы не преувеличиваете? Кого вы можете интересоваться?

– Не скажите, Виктор Семенович, я занимаю не последнюю должность, знаю про всех, да вы сами почитайте. Я дал вам диск, там все счета, банки, транши, вообще миллиарды евро за проданные земли и недра. Там все про наш отдел. Я так и не понял, у кого воруют деньги, у государства или у партии. Я надеюсь, что вы передадите эти документы на самый верх, руководству партии.

– Не волнуйтесь так, я обязательно выполню ваше поручение и отражу в докладе ваш самоотверженный труд. Вы хотите сказать, что у вас в отделе творились приписки и очковительство?

– Два часа назад в меня врезался КамАЗ и скрылся с места преступления. На диске счета в банках, но кодов я не знаю. Наши продают землю по заниженным ценам. Все схемы я передал вам, фамилии и все остальное – все там. Все, больше я не могу нести эту ношу, теперь вы, Виктор Семенович.

– Мы уже решили этот вопрос, я немедленно отправлюсь, куда следует. Мы прямо сейчас покинем вас, а вы уйдете чуть позже, сами же говорите, что за вами следят.

Виктор встал и пошел к Ольге, которая уже наизусть изучила не очень большой ассортимент меню. И все-таки зло, если оно есть, обрушивается на нас в самый неподходящий момент. На входе в зал кафе слышались крики. Этот женский голос Виктор узнал бы, будь в толпе фанатов на ключевой игре Спартака и ЦСКА.

– Пропустите меня, здесь мой муж, депутат Петров.

Только этого еще не хватало. Виктор обернулся и увидел это размалеванное чудо и рядом с ней питбуля. Она тоже его увидела. Ее бой-френд дергал ее за рукав и показывал на него. Новая волна выкриков ворвалась в зал.

– Куда бежишь, лжедепутатишка, от меня не уйдешь.

Она продолжала орать, но Виктор не обращал на неё внимания. Он ускорился и, подойдя к Ольге, взял ее за руку.

– Нам лучше побыстрее покинуть это заведение, Оля.

– Кто это? Что она кричит в твой адрес?

– Позже, Ольга, потом, а сейчас давай уйдем, я тебя прошу.

Взяв Ольгу за локоть, Виктор как бы прикрыл ее от грязной ругани вульгарной особы, уводя в раздевалку. Бросившаяся им вдогонку фурия была остановлена охраной кафе, и теперь перешла на ругань с ними. Охранники, совершившие ошибку, пропустив этих двоих, теперь исправляли ее, сдерживая натиск. Они же не дураки, если депутат хочет побыть один, то надо ему в этом помочь, невзирая на жен и друзей. Тем более, сомнений в том, что Виктор депутат у них не было. Если он пришел с дамой и сидит за деньги, что бы лишний раз не светиться, а его друг показал удостоверение депутата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.